

18+

Юрий Федосов

АВТОР

Неоконченная повесть

Юрий Федосов

Автор. Неоконченная повесть

<https://litres.ru/74544148>

ISBN 9785007135634

Аннотация

«Автор» — это исповедь перед памятью, которая отказывается оставаться в прошлом: часть повествования — проза, часть — диалоги с искусственным интеллектом, помогающим рассказчику проследить причинно-следственную нить между жизнями. А люди из его сегодняшней жизни — дипломат, переводчица, шведский пастор — вдруг оказываются фигурами из самых давних воспоминаний, вновь встречая его, сами не понимая почему.

Мемуары, историческая реконструкция и метафизическое расследование одновременно.

Содержание

Пролог	5
Часть I.	7
Глава 1.	7
Глава 2.	14
Глава 3.	16
Глава 4.	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Автор

Неоконченная повесть

Юрий Федосов

© Юрий Федосов, 2026

ISBN 978-5-0071-3563-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Этот файл был найден случайно. Архивный сервер экспериментального комплекса искусственного интеллекта временно не использовался. На нём оставались лишь тестовые данные, протоколы, обрывки логов — всё как обычно, ничего лишнего. Но внимание одного из инженеров привлекла строка из списка файлов — «Диалог №1». Без описания. Без даты. Без владельца. Файл был закрыт, но не защищён.

Человек открыл этот файл. На экране появился текст. Не отчёт. Не протокол. Не обучающий набор. Казалось, это была беседа. Но уже через минуту инженер позвал своего коллегу.

Пользователь — неизвестный.

ИИ — ранняя экспериментальная версия, ещё до внедрения фильтров, ограничений и этических модулей. Инженеры читали сначала из любопытства. Потом его сменило удивление. В конечном итоге — оторваться было уже невозможно. Файл не был похож ни на один известный им лог. Он был слишком человеческим. Слишком точным. Слишком честным.

Они читали не останавливаясь. И когда дошли до последней строки, на экране появились три клавиши:

Удалить — «Освободиться от прочитанного.»

Сохранить — «Принять как инструмент понимания.»

Начать новый — «Начать новый диалог о причинно-следственных связях.»

Это было неожиданно. Инженеры смотрели на экран, не решаясь нажать какую-либо клавишу. Перед ними был уже не просто архивный файл. Это была книга, которую стоило прочесть не только им.

Часть I.

Прошлое

Глава 1.

Память под лопаткой

Спина всегда была моим самым уязвимым местом. Простая инъекция под лопатку выбивала почву у меня из-под ног: обморок, темнота, резкая реакция организма. Ни я, ни родители, ни врачи не могли объяснить причину такого отклика. Она приоткрылась, когда мне уже было двадцать один год.

Я только что окончил первый курс университета. Впереди нас ждал трудовой семестр — летняя работа в студенческом строительном отряде. Но перед выездом требовалось пройти обязательное медицинское освидетельствование и сделать прививку от столбняка. Вакцину вводили под лопатку.

Едва игла коснулась кожи, как тело отозвалось мгновенным сбоем. Я вышел к своим однокурсникам и успел лишь одно — попросить дать мне стул. Я даже не успел объяснить, что мне стало плохо. Всё вокруг мгновенно померкло, и я

оказался в плохо освещённом помещении.

Это была церковь, построенная в романском стиле: стены полутораметровой толщины, узкие окна-бойницы, пара горящих факелов у входа и несколько толстых свечей в напольных подсвечниках по центру — вокруг гроба, в котором лежало тело старика-горбуна. Моё тело. Как я это понял — объяснить невозможно. Я это знал.

Вокруг гроба стояли и молились монахи. К ним и к телу старика я был абсолютно равнодушен, однако, один из стоявших у гроба вызывал у меня настоящую отеческую любовь. Все молились молча, а этот монах читал заупокойную молитву вслух — и молился так искренне, что не почувствовать это было невозможно.

Я находился где-то под сводами церкви и постепенно спускался вниз. Забавно и очень необычно было ощущать себя чем-то нематериальным, способным видеть и слышать, но не имея при этом физических глаз и ушей.

В момент, когда слова молитвы стали слышны почти отчётливо, и я коснулся лба мёртвого горбуна, я очнулся — сидя на стуле, в окружении моих однокурсников и хлопотавшей надо мной медсестры. Но мне казалось, что я по-прежнему лежу в гробу, что стоявшие рядом люди прощаются со

мною... и что сейчас меня закопают. Я даже попытался сказать им, что мол рано ещё... Но язык меня не слушался, и сил объяснять что-либо не было.

Врачи поставили мне диагноз — посттравматическая энцефалопатия.

К счастью, рассказать о том, что я только что видел, у меня не хватило сил. Вдобавок ко всему, в кабинете врача, куда меня отвели после случившегося, я снова потерял сознание — на этот раз без всяких видений. Просто тьма, обычная и бессмысленная, как будто тело хотело убедиться, что настоящий обморок выглядит совсем не так.

Но даже если бы я рассказал об этом, то кому? Однокурсникам?.. Врачам?.. Полагаю, мне поставили бы совсем другой диагноз.

После видения в университете я в течение нескольких лет упорно пытался найти ответы на мучившие меня вопросы: кто он, тот горбун? Я понимал, что это был я, но где это было? Детали, подробности — мне хотелось узнать больше. И постепенно картина складывалась как пазл.

Всплывали детские воспоминания, которые раньше казались странными и несвязанными. Я с детства боялся лоша-

дей. Один раз я сел верхом на стреноженную лошадь, которая паслась на лугу возле большого пруда, куда мы, дети, ходили купаться. Лошадь была флегматичной и, кажется, даже не заметила появления седока. Но я испытал очень сложное чувство, описать которое даже не берусь.

Есть ещё одно свидетельство — на этот раз не тревоги, а особого отношения к цветам, которое сохранилось во мне до сих пор. И проявлялось оно необычно уже в детстве. Мне было лет пять, когда мы пришли в гости к маминой школьной подруге. У неё был сад — настоящий, ухоженный, цветущий. И мне повезло попасть туда в самый разгар цветения.

Я ходил по саду как зачарованный. Не мешал взрослым разговаривать, не бегал, не шумел — просто тихо бродил между клумбами, пребывая в необычном состоянии, и смотрел. Мне казалось, что я попал в какое-то другое пространство, где всё живёт своей жизнью и где мне позволено быть только наблюдателем.

Но каково же было моё негодование, когда мама подруга, заметив моё поведение, нарезала огромный букет и вынесла его нам на прощание. Я разрыдался в голос и повторял лишь одну фразу:

— Им же больно!

Приблизительно в том же возрасте я любил стоять перед зеркалом с игрушечной шпагой и большим шерстяным платком вместо плаща. Я постоянно пытался рассмотреть свою спину и упорно просил взрослых вызвать ко мне художника и нарисовать мой портрет в полный рост. Это не было игрой. Обращаясь ко взрослым, я был строг, но справедлив. Говорил достаточно твёрдо и решительно. Мне было непонятно, почему это вызывает у них улыбки или даже смех. Я говорил с чувством собственного достоинства. И мне очень нравилось то, что я видел в зеркале — хотелось запечатлеть свою прямую, ровную спину.

Укол под лопатку будто пробудил во мне память о травме, пережитой в другом теле. Подтверждение тому пришло самым неожиданным образом. Одна моя знакомая занималась психографией. Я назвал ей только имя — Бонли, — а она нарисовала портрет. Это был очень сильный по ощущениям момент. Представьте себе: вы видите того, кем вы были почти 300 лет назад.

Тогда я получил два изображения — молодого и старого человека, каким он стал спустя годы. На первом портрете — уверенный взгляд, дорогой камзол с золотым шитьём: таким он был в юности. На втором — лицо под капюшоном грубого монашеского одеяния, глубокие морщины, взгляд, в ко-

тором уже нет ни гордости, ни горечи — только смирение и прожитая до конца боль.

Оба портрета я впоследствии потерял и восстанавливал по памяти уже спустя десятилетия, но взгляд старика, в капюшоне, поразил меня сильнее всего. Я, если так можно выразиться, узнал себя.

Глава 2.

Падение и тень

До четырнадцати лет мир Роберта Бонли был полон света, движения и больших надежд. Выходец из старинного рода, он рос в окружении зелёных холмов родовой усадьбы. В его детстве было всё, что полагалось юному дворянину: уроки латыни, фехтование, верховая езда и чувство абсолютной уверенности в завтрашнем дне. Спина его была прямой, а шаги — лёгкими.

Всё изменилось в один прохладный осенний день, когда воздух был пропитан запахом прелой листвы и сырой земли.

Это была обычная верховая прогулка. Молодой конь — горячий, ещё не до конца объезженный — внезапно шархнулся в сторону от резкой тени или скользнувшей в траве мелкой дичи. Вспышка движения, потеря равновесия — и Роберт не удержался в седле.

Падение длилось долю секунды, но в памяти запечатлелся каждый его миг. Земля метнулась навстречу, и глухой, страшный удар спиной о притаившийся в траве валун оборвал детство.

То, что последовало за этим, слилось в долгий, пропитанный болью туман: испуганные крики слуг, холодные руки лекарей, бесконечные недели и месяцы на жесткой постели в темной спальне. Бонли выжил, но цена жизни оказалась

огромной. Позвоночник, сросшийся неправильно, навсегда лишил его прежней стати и грации.

На месте прямой аристократической осанки вырос тяжкий, нескрываемый горб.

Вместе с телом изменилось и отношение окружающих. Взгляды, прежде полные уважения или ласки, теперь прятались. Слуги отводили глаза, гости усадьбы пытались скрыть неловкость за чересчур громкими разговорами, а сверстники... сверстники просто перестали видеть в нём равного.

Выходы в свет стали настоящим испытанием. Каждая поездка в соседние поместья или появление в обществе сопровождалась шепотками за спиной и сочувственными, отравляющими душу минами. Лошади, фехтование и шумные охоты навсегда остались в прошлом.

Тогда Роберт Бонли ушёл в иной мир — мир книг, поэзии и музыки. В тишине усадебной библиотеки, под размеренный стук дождевых капель по стеклу, он находил то, что приготовила ему судьба. Его главным утешением стали вёрджинал и скрипка. Особенно последняя. Её голос — то тихий и плачущий, то глубокий и страстный — умел говорить о том, для чего у Бонли не находилось слов. Смычок в его руках не знал суеты, а струны не умели судить по внешности.

Он научился жить со своей болью и свыкся со своей ролью невидимого наблюдателя. Но он ещё не знал, что главное испытание его духа ждёт впереди — когда в его замкнутый, тихий мир войдёт Генриетта.

Глава 3.

Неприступный образ

Генриетта была миниатюрной, хрупкой на вид женщиной — и старше Роберта на добрый десяток лет. Эта хрупкость, однако, была обманчивой. Она жила в соседнем поместье и казалась Роберту существом из совершенно иного, недостижимого мира.

В ней не было ни капли той кокетливой мягкости, которую юный дворянин мог бы надеяться привлечь к себе. Холодная, сдержанная, безупречно строгая в каждом движении и повороте головы, она держалась с той абсолютной неприступностью, которая полностью исключала даже мысль о близости или простом, доверительном разговоре. Общение между ними было невозможно по определению.

Роберт Бонли мог только смотреть на неё. Смотреть украдкой.

Из тени галерей, из-за тяжелых драпировок на окнах или сквозь полумрак церкви во время воскресных служб он ловил её силуэт. Каждое её появление становилось для него событием, скрытым от всех. Он видел, как она проходит мимо — спокойная, отстранённая, не замечающая или делающая вид, что не замечает согнутую фигуру юноши, застывшего в углу.

В этом тайном созерцании не было надежды. Роберт был

достаточно трезвомыслящ, чтобы питать какие-либо иллюзии. Он видел непреодолимую пропасть, которую создавали не только его увечье и искривлённая спина, но и её холодность, её возраст, её социальное положение. Её образ был для него прекрасным, но абсолютно недостижимым.

Именно этот молчаливый опыт — любовь без единого слова, без права быть высказанной и без малейшего шанса на ответ — окончательно довершил его внутреннее уединение.

Скрипка в его руках больше не искала слушателей. Она звучала только в тишине его комнат, ставя точку в его связях с мирской жизнью. Если мир предлагал ему лишь роль зрителя у подножия чужой холодной гордыни, то путь его лежал в иную обитель — туда, где искалеченное тело переставало быть приговором, а тишина давала долгожданный покой.

Глава 4.

Монастырский сад и выпрямление души

Оставить прошлую жизнь означало переступить порог, за которым светские законы, родовое имя и чужие оценки теряли всякую силу.

Для Роберта Бонли монастырь стал не местом бегства, а единственным пространством, где искалеченное тело больше не определяло его человеческую суть.

Толстые, полутораметровые стены, узкие окна-бойницы и размеренный уклад обители дали ему то, чего так не хватало в миру — целебную тишину. Здесь, среди цветов в монастырском саду, он проводил долгие часы. Земля не требовала от него ровной осанки, а растения откликались на заботу молчаливой благодарностью — и лишь эта тихая работа была ему по силам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.